

Когда по воле быстрых лет
она, красивая, стареет,
на небе солнце хуже греет,
заря скупее дарит свет.

Что было,
было слишком кратко,
и лучшие ее года,
и красота ее украдкой
уходят прочь,
бог весть куда.

Еще даря ее любовью,
ей сообщают зеркала,
что на щеке или над бровью
морщинка новая легла.

Робеет женщина, старея,
свой виноватый прячет взгляд.
Но в чем ее вина?
Скорее
мир перед нею виноват.

И волосы ее тускнеют,
тускнеет свет, густеет мрак,
и родники журчат грустнее,
и соловьи поют не так.

Старенье женщины любимой,
трав увяданье на лугу,—
я отвратить неотвратимой
печали этой не могу.

Когда красавицы сникают,
подвластны перемене злой,
предметы в доме отживают,
меняют облик свой былой.

С годами женщина тускнеет,
и старится былой кумир.
И нам, когда она стареет,
старее кажется весь мир.

Я встречу женщину седую,
ту, что запомнил молодой.
Но чем утешу, что скажу ей,—
я сам давно уже седой!

1969